

Мысль и чувство

Как и многие ленинградские артисты, О. Я. Лебзак — воспитанница Ленинградского театрального института. Но закончила она режиссерский факультет. Когда она была на старшем курсе, ей поручили сыграть Виолу в учебном спектакле «Двенадцатая ночь» В. Шекспира. С этого момента, собственно, и определилось ее настоящее призвание.

Мне в свое время довелось видеть учебную работу Ольги Яковлевны. Это была подлинно шекспировская Виола — жизнерадостное дитя эпохи Возрождения. Сколько в ней было очарования, аромата юности, а в тех эпизодах, где она представляла переодетым юношей, — неукротимой энергии, мальчишеского задора!

С дипломом режиссерского факультета она поступила в качестве актрисы в драматический театр под руководством Соколовского, помещавшийся тогда в Доме культуры имени Первой пятилетки. В ее творчестве сразу же проявилась индивидуальная особенность: в каждом образе она прежде всего искала глубокую, исчерпывающую правду чувств. И сейчас всякая внешняя эффектность, красивость, поза абсолютно чужды актерской натуре Лебзак. Она не приукрашивает своих героинь, не лепит их эффектными, броскими штрихами, а находит тонкие, предельно искренние средства выразительности для того, чтобы открыть на сцене всю их душу, дать возможность зрителям заглянуть в самый сокровенный мир их чувств.

Иногда бывает, что одаренный, темпераментный артист не умеет нести мысль в спектакле, не может достаточно контролировать свой темперамент логикой построения образа. Ольга Яковлевна не принадлежит к таким актерам. Она всегда ясно видит место своей героини в замысле автора, режиссера, в общей концеп-

ции спектакля. В этом ей помогает режиссерское образование.

Обратимся к некоторым работам, созданным Лебзак на сцене Театра драмы имени А. С. Пушкина, куда она вступила в годы Отечественной войны в Новосибирске.

...Вот Авдотья Бортникова — героиня спектакля «Высокая волна»

О. Лебзак в роли
Авдотьи Бортниковой

по роману Г. Николаевой «Жатва». На сцене — большеглазая, тоненькая женщина в платочке и простеньком платье. Она ловко орудует ухватом у русской печки. Ни в водном жесте исполнительницы нет ни сознательного упрощения, ни искусственного «пейзажства». В образе, созданном Лебзак, все гармонично, цельно, одухотворено единой идеей. В этой хрупкой и на первый взгляд беспомощной женщине актриса обнаруживает незаурядную волю, редкостную душевную красоту.

Нисколько не умаляя силы любви Авдотьи к Степану, которого ей

пришлось оторвать от сердца, Лебзак четко показывает все этапы сложной борьбы этой умной женщины за восстановление семьи, за подлинное возвращение Василия Бортникова в свой дом. И в этом процессе она духовно созревает и закаляется сама. В рядовой труженице рождается то героическое, которое издавна присуще русской женщине из народа и которое особенно характерно для простого советского человека.

А вот журналистка Крылова — героиня пьесы Е. Симонова «Доброе имя». Она ведет принципиальную борьбу за восстановление доброго имени невинно пострадавшего человека — доцента Твердохлебова. Делать это ей особенно трудно потому, что она любит корреспондента Широкова, написавшего ошибочный фельетон о Твердохлебова.

Эмоциональность и продуманность — характерные свойства Лебзак — проявились и в этой роли. Зритель видел глубоко спрятанную привязанность к Широкову этой молодой, но уже много перенесшей женщины и потому особенно ценил ее страстность и непримиримость в борьбе за правду. Как и во всех своих работах, Лебзак пронизала все поступки Крыловой единством цели, называемым на профессиональном языке «сквозным действием» роли.

С такой же выпуклостью показаны Ольгой Яковлевной основные этапы развития роли Комиссара в спектакле «Оптимистическая трагедия». С первого появления на военном корабле скромной женщины, кажущейся совсем девочкой в ее белой блузке и газовом шарфике, и до героической смерти во всем поведении Комиссара видна выверенность всех поступков.

В этой роли у Лебзак есть много интересного и значительного, о чем уже неоднократно писалось на страницах прессы. Мне сейчас хочется

подчеркнуть лишь основное — явно ощущимый у актрисы процесс рождения мысли. Комиссар именно мыслит на наших глазах, принимая то или иное смелое решение в ежеми-

О. Лебзак — Комиссар

нута меняющихся, смертельно опасных обстоятельствах.

...Она проходит чуть замедленным шагом, опустив голову. Ее противник — Вожак приказал команде отдышаться; команда просит разрешить прощальный бал.

— Не рано ли сталкиваться с Вожаком, не помешает ли это дальнейшим планам? — угадываем мы раздумья Комиссара. Но вот мы видим ее спокойное лицо: «Флотский бал!» — чеканно и даже жестко произносит она.

...Рассветает. Попавшие из-за предательства Силого в немецкий плен моряки спят тяжелым, беспокойным сном. Бодрствуют лишь Комиссар и боцман. Она сидит. Складка прорезает лоб. «Кто у нас был на посту?» — спрашивает она боцмана. И нам ясно, о чем всю ночь думала эта женщина, на плечах которой ответственность за судьбы полка.

И каким контрастом этим напряженным сценам является эпизод, где Комиссар предстает в минуту короткой передышки за письмом к матери. Здесь она лирична, нежна. И невольно возникает мысль, какой хорошей женой и матерью могла бы быть эта женщина, борющаяся сейчас за счастье миллионов жен и матерей.

Все, что делает Лебзак в любом спектакле, кажется возникающим импровизационно, тут же, на сцене. И это не случайно. Ибо игра актрисы рождается подлинным переживанием, а не является воспроизведением раз и навсегда зафиксированного чувства. Чтобы убедиться в этом, стоит прийти на любое рядовое представление «Живого трупа» Л. Толстого. После выстрела Федя Протасова на верхней ступеньке лестницы появляется цыганка Маша. Тот, кто слышал звенящий крик Лебзак — «Феда!», не скоро его забудет. Так же нелепо забыть и то, как она пытается сойти с лестницы, падая на каждой ступеньке, протягивая руки к умирающему Протасову.

А Анна Падолит (пьеса А. Корнейчука «Крылья»)! Она наливает вино в бокал своему мужу Ромодану, который, как она думает, усомнился в ее невинности (Анна недавно освобождена из заключения), и бокал звенит о горлышко бутылки... Нет, с помощью даже самой выверенной техники, без глубокого, снова и снова пережитого чувства так не сыграешь!

Созданные актрисой образы — разные. Большинство из них — образы наших современниц. Их роднит общность цели. Они активно относятся к жизни, борются за свой творческий труд, за счастье и честь советского человека, советской семьи. Это — типические образы женщин нашей эпохи, ставшие живыми и многогранными на сцене силой правдивого таланта О. Я. Лебзак.

О. ПЕРСИДСКАЯ